

Способность суждения и проблема понимания

И. В. Дмитриевская
(Ивановский государственный университет)

Цель статьи показать, что Кантова «Критика способности суждения» (1790) не только является предтечей современной теории понимания, но и содержит описание системных механизмов понимания и объяснения.

«Критика способности суждения» родилась из постановки и решения ее автором вопроса о познаваемости мира. И. Кант считал необходимым условием познания существование априорного знания (принципов, законов, правил), которое обеспечивает достоверность любому теоретическому построению. Но априорность одновременно определяет границы познания. Такие границы обозначены и для рассудка, действующего по законам природы (рассудок в познании природы ограничивается знанием феноменов, не проникая в сущность вещей в себе), и для разума, действующего по законам свободы (разум может познать в границах свободной воли вещь в себе, но делает это несозерцательно, то есть выходит за пределы собственно философской рефлексии).

И. Кант отмечает, что существует особая сфера сверхчувственного, в познании которой мы не имеем никакой почвы: однако должно существовать в нашем познании основание единства сверхчувственного, лежащего в основе природы, с тем, что практически содержит в себе понятие свободы. Для этого и нужно исследовать способность суждения, призванную связать две сферы познания — сферу рассудка и сферу разума.

Что такое способность суждения? И. Кант определяет ее как среднее звено между рассудком и разумом, как способность мыслить особенное как подчиненное общему (5, 178). Объекты познания — природа и человек — своего рода тексты, и следует выявить тот смысл, который в них заложен. Проблема познания не сводится к получению каких-то знаний об объекте, а ставится как проблема выявления существенных отношений между компонентами этого знания, то есть как проблема понимания. И. Кант именно там видит границу познания, где невозможно *понять*, то есть объяснить природу в категориях рассудка, а свободную волю в идеях разума. Механизмом понимания мира природы и мира свободы выступает способность суждения.

Способность суждения как механизм понимания. Что такое понимание? Начнем с простейшего примера. Перед нами текст. Что значит понять текст? Это значит либо приписать ему какой-то смысл, либо выявить тот смысл, который вкладывает в него автор. С логической точки зрения, понимание — это определенное отношение между компонента-

ми знания. Оно устанавливается между знанием известным и понятным и знанием неизвестным и непонятным. В простейшем случае новое (непонятное) вписывается в известное (понятное), тем самым тоже становится понятным. Алгоритм понимания можно рассмотреть на элементарной клетке знания, которая выражена в структуре простого атрибутивного суждения. В субъекте суждения заключается, как правило, то, что известно, а предикат содержит новое. Поэтому любое атрибутивное суждение можно понять по-разному, в зависимости от того, как поставлено логическое ударение. Выражение «Это он поет» можно понять так: «Он есть тот, кто поет», «Это есть то, что он поет», «То, что он делает с этим, есть пение» и т. п. Здесь понимание представлено отношением предикатного компонента суждения к субъектному.

Аналогично складываются отношения между известным и новым знанием в способности суждения. Процесс подведения особенного под общее предполагает, что одно из них известно и понятно, а второе является новым и нуждается в объяснении. Раскрывая механизм способности суждения, И. Кант особое место отводит ее систематизирующим функциям. Следовательно, осуществляя способность суждения, как и понимая нечто, проникая в суть явления, исследователь создает новую систему знания, компонентами которой выступают особенное и общее, известное и новое, понятное и непонятное.

Системный характер понимания и способности суждения. Понимание носит системный характер. Чтобы точно определить, что это значит, напомним, в каком смысле понимается система. Система есть вещь, на которой реализуется отношение с заранее фиксированными свойствами. Существует двойственное определение: система — вещь, на которой реализуется свойство с фиксированным отношением¹. Существуют разные уровни организации системы — уровень системообразующего свойства — концептуальный, уровень системообразующего отношения — структурный, уровень элементов системы — субстратный. В процессе понимания строится система: ее концепт определяется целью — понять объект или знание, структура формируется отношением нового знания к известному, а элементами системы служат компоненты знания, участвующего в процессе понимания.

Так же, как процесс понимания, систематизирующий характер носит способность суждения. Ее задачи — установить системные связи между сферами познания рассудка и разума, найти системный способ исследования сверхчувственного, открыть возможность системного представления эмпирического знания, раскрыть способы взаимосвязи мира природы и мира свободы: закономерности формы природы должны соответствовать возможности целей, которые ставятся миром свободы (5, 174). «Опыт должен составлять (в идее) систему возмож-

ных эмпирических знаний по общим и частным законам... Этого требует единство природы, согласно принципу всеобщей связи» (5, 113).

Системность познания у Канта тесно связана с априоризмом. Для того чтобы способность суждения выполняла систематизирующую функцию, необходимо, чтобы она исходила из собственного априорного принципа. Априорный принцип выполняет системообразующие, концептуально-структурные функции в познании: «Предположение о возможности опыта как эмпирической системы есть трансцендентальный принцип способности суждения» (5, 114). Содержательные выражения этого принципа заключены в высказываниях типа: «Природа идет кратчайшим путем», «Природа ничего не делает напрасно», «Природа не совершает скачка в многообразии форм: она богата видами, но скупа в родах» — все эти высказывания представляют трансцендентальную способность суждения. Априорный принцип способности суждения фиксируется как принцип *целесообразности* природы. Если объяснение использует подведение эмпирических знаний под принцип целесообразности, то оно образует систему из этих эмпирических данных.

Модели понимания и типы способности суждения. Процесс понимания проявляется во взаимодействии двух видов знания — знания, которым располагает индуктор, то есть источник информации, и знанием реципиента информации, или реципиента. Будем называть эти типы знания тезаурусом индуктора и реципиента. Под тезаурусом в данном случае понимаются знания, а не узловые понятия, как в информатике. Простейшие модели понимания имеем в том случае, когда тот и другой тезаурусы системно организованы. При этом предполагается, что реципиент обладает известным и понятным знанием, а индуктор сообщает новое, а зачастую и непонятное. При понимании решается определенная задача по построению системного объекта: реципиент совершает системный синтез имеющегося у него знания с тем, что сообщает индуктор. Возникает возможность двух моделей восприятия нового: в первой системообразующие свойства и отношения заданы системой тезауруса реципиента, а новое знание, сообщаемое индуктором, вписывается в эту систему на уровне субстрата. Очевидно, что новое знание в этом случае воспринимается по-своему, и совсем необязательно реципиент понимает именно то, «что хотел сказать автор своим произведением». Условно назовем эту модель понимания аналитической, или интерпретационной, поскольку воспринимаемая информация аналитически выводится из концепта и структуры тезауруса реципиента.

Существует другой способ синтеза информации при понимании: в совокупном знании строится система, в которой концепт и структура заимствуются из тезауруса индуктора, а субстрат представлен знаниями реципиента. Такого рода модель

назовем собственно понимающей, или синтетической, поскольку основные системообразующие компоненты заимствуются реципиентом из тезауруса индуктора. Для примера рассмотрим усвоение грамматического правила. Возможен случай, когда новое правило выводится из более общего, уже известного ученикам и понятого ими, например, правило о правописании приставок «раз-рас», «роз-рос» из общего правила правописания приставок на «з». Для его усвоения требуется использовать аналитическую модель понимания. В другом случае для усвоения правила ученикам предлагается самим придумать примеры на новое правило. Это уже синтетический вариант. В том и в другом случае ученику приходится строить новую систему знания, но в первом случае системообразующие свойства и отношения совокупной системы заданы, то есть содержатся в тезаурусе ученика, а во втором — задаются учителем, объясняющим правило. Необходимым условием понимания, если оно развивается по данным моделям, служит общность тезаурусов индуктора и реципиента, таким образом, процесс понимания всегда протекает в форме диалога.

Совершенно аналогичные моделям понимания в философии И. Канта выделяются типы способности суждения. Способность суждения может быть определяющей и рефлектирующей (5, 115). «Если дано общее и для него нужно найти особенное как подчиненное общему, то это определяющая способность, но если дано особенное и для него надо найти общее, то это рефлектирующая способность» (5, 178). И далее важно: «Для определяющей способности закон начертан априори, ей не нужно придумывать закон. Рефлектирующая способность нуждается в принципе, который она не может заимствовать из опыта, ...который должен обосновать единство всех эмпирических принципов... Такой трансцендентальный принцип рефлектирующая способность суждения может дать себе как закон только *сама* (5, 178).

И. Кант подчеркивает сложность второй, рефлектирующей формы способности суждения: «Принцип способности суждения в отношении формы вещей в природе есть целесообразность природы в ее многообразии. То есть природа посредством этого понятия представляется так, как если бы некий рассудок содержал в себе основание единства многообразного содержания ее эмпирических законов» (5, 179). И далее, о связи чувства удовольствия с понятием целесообразности природы: «Чувство удовольствия вызывает осознание того, что, чем больше мы познаем природу в многообразии ее законов, тем больше верим, что все они выводятся из единых и простых принципов» (5, 186). Принцип целесообразности природы дополняется принципом простоты.

Две системные модели понимания, равно как и две формы способности суждения, имеют под собой постановку опреде-

ленных системных задач, решение которых возможно на основе использования системных операций. Модель определяющей способности суждения предполагает построение системы при заданных концепте и структуре. Субстратный уровень системы (особенное) должен быть восстановлен исследователем. И. Кант справедливо полагает, что, когда познание развивается по этой модели, то оно не нуждается в дополнительных априорных принципах, потому что они заданы самими определениями. Вторая, рефлектирующая модель, нуждается в таком принципе. Действительно, это синтетическая модель понимания, при которой система фактически не задана, поскольку не заданы ее концепт и структура, а известны лишь элементы. И. Кант понимает, что концепт и структура не могут быть однозначно восстановлены по субстрату. Следовательно, должен быть введен механизм однозначного понимания системы, то есть однозначного введения ее структуры и концепта. Роль такого механизма играет принцип *целесообразности природы*. В теоретико-системном плане принцип целесообразности представляет некоторое отношение второго порядка, отношение концептуально-структурного уровня организации системы к субстратному. И если *однозначно* задано это отношение, то однозначно может быть восстановлен концептуально-структурный уровень искомой системы. Поиски отношения второго порядка ведутся с помощью рефлексии: «Рефлексируют — значит, сравнивать и соединять данные представления либо с другими, либо со своей познавательной способностью по отношению к понятию, возможному благодаря этому. Рефлексивную способность суждения называют также способностью рассуждения» (5, 115).

Возможность понимания при отсутствии общности тезаурусов. В теоретико-системной концепции понимания наибольший интерес представляет случай, когда общность тезаурусов реципиента и индуктора отсутствует. Возможно ли в этом случае понимание, и если да, то каким образом? В «Критике способности суждения» представлена аналогичная ситуация. И. Кант вовсе не отрицает познания вещи в себе, он отрицает такое познание в созерцании и по законам природы, то есть рассудочное познание с помощью философской рефлексии. В «Критике практического разума» утверждается возможность познания вещи в себе по законам *свободы*, но не в созерцании, а практическим путем. Критика способности суждения призвана, по сути дела, решить вопрос, как возможно познание вещи в себе в созерцании и по законам свободы? Этот вопрос смыкается с общим вопросом кантовской философии: как возможны синтетические суждения априори? «Задача критики способности суждения относится к общей проблеме трансцендентальной философии — как возможны синтетические априорные суждения?» (5, 301), и далее: «Что собственно в суждении вкуса утверждается априори?.. Не удовольст-

вие, а именно общезначимость удовольствия, связанная в душе с оценкой предмета, представляется в суждении вкуса как общее правило для способности суждения, значимое для всех» (5, 302). И далее: «Понятие объективной целесообразности природы есть критический принцип разума для рефлектирующей способности суждения» (5, 425).

И. Кант различает эстетические и логические суждения. Для логических суждений предикат является объективным понятием. Таковы определяющие суждения. Рефлектирующее суждение может быть эстетическим. В нем определяющим основанием служит ощущение, и таково чувство удовольствия или неудовольствия. Эстетическое суждение чувствования содержит материальную целесообразность, эстетическое суждение рефлексии — формальную. Таким образом, эстетические суждения выступают как оценочные и, следовательно, предполагают определенный ранг рефлексии у человека, высказывающего их.

Разграничение И. Кантом суждений эстетических и логических непосредственно соотносится с проблемой понимания. Непонимание, прежде всего, дается не как знание, а как чувство неудовлетворенности, неудовольствия некоторой неопределенностью. Напротив, проникая в суть предмета исследования, мы испытываем чувство удовольствия, а когда удастся построить интересную систему знания об объекте, мы считаем, что наше построение не только истинно, но и удовлетворяет критериям красоты. Особенно критерий красоты широко используется в математических построениях, имеющих дело с априорными формами познания.

Покажем, что решение вопроса о понимании при несовпадении тезаурусов читателя и текста связано с повышением ранга рефлексии и с формированием системы эстетических суждений рефлексии.

При несовпадении тезаурусов индуктора и реципиента понимание возможно при тождестве отношений второго порядка между системными компонентами знания — концептом и структурой, структурой и субстратом, концептом и субстратом и т. п. У человека с развитым интеллектом эти отношения формируются в процессе усвоения различных типов знания. Процесс обучения по идее должен преследовать цель не построения в тезаурусе обучающегося конкретных систем знания, а формирования алгоритмов систематизации. Сюда относятся узаконные выше аналитическая и синтетическая модели понимания и алгоритмы формирования отношений второго порядка.

Типы знания различаются по логической структуре: есть дискурсивное знание, которое, будучи рассмотрено как система, имеет развитые концепт и структуру при зачастую мало информативном субстрате, а есть знание дескриптивного типа,

в котором структура и концепт однообразны и мало информативны, а субстрат развит. Модели усвоения знания в том и другом случае различны. Знание первого типа — это математически обработанное. Второй тип представляет гуманитарное знание. Для усвоения знания первого типа нужны способности к рефлексии при постепенном увеличении ее ранга. Для усвоения знания второго типа — способности к запоминанию, а не собственно пониманию. Это обстоятельство следует учитывать при оценке знаний студентов: не всегда вызубренный ответ заслуживает высшего балла, равно как и ответ по шпаргалке по билету при способности ориентироваться во всем материале и решать задачи нельзя оценивать низшим баллом.

Индуктор и, в частности, преподаватель, объясняющий материал, ставит перед собой задачу не только дать какую-то информацию по своему предмету, но и сделать ее понятной непосвященному. Для этого он должен сообщить не только прямую информацию, но и метаинформацию, в которой сообщается, каким образом конструировать из нее систему. Введение метаинформации связано с введением отношений второго порядка в процесс объяснения. Для И. Канта — это повышение ранга рефлексии в процессе развития рефлексивной способности суждения.

¹ Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1977.

Синтактико-семантические принципы порождения терминов в текстах И. Канта

И. Д. Копцев

(Калининградский государственный университет)

Философский текст в его классической форме и, в частности, текст Канта — это не в последнюю очередь текст дефинитивный, в основе построения которого лежат специфические процедуры интеллектуальной деятельности, предназначенные отправителем речи для введения в тезаурус адресата новых терминов, элементарных имен и дескрипций, а также новых смыслов для уже известных или ранее введенных терминов. Сущность операции определения как посредника между субъектами интеллектуальной деятельности состоит в установлении отношений тождества (или синонимии) между определяемым компонентом (*definiendum* — сокращенно *dfd.*) и определяющим (*definiens* — сокращенно *dfn.*)¹. Как отмечает Г. И. Ахманова, слово становится термином только при условии, что «люди, нормально пользующиеся данным языком, обязательно устанавливают соответствие между более кратким или компактным обозначением данного объекта и его более развернутым или протяженным определением, или дефиницией»². Дан-